

СЦЕНАРИИ

СЦЕНАРИЙ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОВЕСТИ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»

Звучит стихотворение Булата Окуджавы:

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли –
Повзрослели они до поры,
На пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым,
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься? –
Да зелёные крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведем с ними счёты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идёте войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

**ЛИЛИЯ РЕНГИЛОВНА
ШАРАФИЕВА**, зав.
библиотекой гимназии
№ 184, победитель
республиканского
конкурса «Лучшая
школьная библиотека –
2023», г. Казань

На сцене Васков лежит на топчане.

Стук в дверь.

Рита Осянина (барабанит в дверь): Товарищ комендант!.. Товарищ старшина!

Васков (в тапочках, заспанный): Что?

Рита: Немцы в лесу!

Васков (недоверчиво): Так... Откуда известно?

Рита: Сама видела. Двое. С автоматами, в маскировочных накидках...

Васков: Погоди тут.

Васков натягивает сапоги, накидывает гимнастерку.

Васков: Команду – в ружьё: боевая тревога! Выделить пять человек. Стройте людей! Бегом!

Рита: Построены, товарищ старшина.

Пять девочек одеты кое-как в форму, не причёсаны: у кого волосы взлохмачены, у кого закручены на бумажки...

Васков: Вольно.

Рита: Женя, Галя, Лиза...

Васков: Погодите, Осянина! Немцев идем ловить, не рыбу. Так чтоб хоть стрелять умели, что ли...

Рита: Умеют.

Васков: Да, вот ещё... Может, кто немецкий знает?

Соня: Я знаю.

Васков: Что я? Что такое я? Докладывать надо!

Женя: Так она и докладывает, товарищ старшина... (смеется)

Соня: Боец Гурвич!

Васков: О-хо-хо!.. Как по-ихнему «Руки вверх»?

Соня: Хенде хох.

Васков: Идем на двое суток, так надо считать. Взять сухой паек, патронов... по пять обойм. Подзаправиться...

Женя: А это как, товарищ старшина?

Васков: Ну, поесть, значит, плотно. Комелькова! Обуться по-человечески, в порядок себя привести, подготовиться. Разойдись! Осянина, со мной.

Девочки уходят, Васков и Осянина склонились над лежащей на столе картой.

Васков: Значит, на этой дороге встретила?

Рита (пальцем показывает на карте): Вот тут. А прошли мимо меня, по направлению к шоссе.

Васков: К шоссе? А чего ты в лесу в 4 утра делала?

Рита (смущённо): По ночным делам ходила.

Васков: По ночным? Глубоко в лес? (Оба помолчали) К шоссе, говоришь, пошли?

Рита: По направлению...

Васков: Чёрта им у шоссе делать: там по обе стороны еще в Финскую лес сведён, там их живо прищучат. Нет, Рита, не к шоссе их тянуло.

Рита: Там туман и кусты, мне казалось.

Васков: Креститься надо, если кажется. Тючки, говоришь, у них были?

Рита: Да. Вероятно, тяжелые: в правой руке несли. Очень аккуратно упакованы.

Васков: Мыслю я, тол они несли. А если тол, то маршрут у них совсем не на шоссе, а на железку. На Кировскую дорогу, значит.

Рита: До Кировской дороги не близко...

Васков: Зато лесами. А леса здесь погибальные: армия спрятаться может, не то что два человека. Командуй строиться, Рита. Время!

Выходят на улицу.

Рита: Отряд, стройся!

Васков: Противника не бойтесь. Он по нашим тылам идет, значит, сам боится. Но близко не допускайте, потому что противник всё же мужик здоровый и вооружен для ближнего боя. Если же случится, что он рядом окажется, тогда лучше притаиться. Только не бегите, упаси бог: в бегущего из автомата попасть – одно удовольствие. Ходите только по двое. В пути не отставать и не разговаривать.

Женя: Знаем, одна – справа, другая – слева (смеется).

Васков: Скрытно, товарищ Комелькова. В случае обнаружения противника или чего непонятного... Кто по-звериному или там по-птичьему кричать может?

Девушки хихикают.

Васков: Я серьезно спрашиваю! В лесу сигналы голосом не подашь: у немца тоже уши есть.

Соня: Я умею! По ослиному: и-а, и-а!

Васков: Ослы здесь не водятся. Ладно, давайте крикать учиться. Как утки.

Девушки учатся кричать.

Васков: Идем на Воль-озеро. Ежели немцы к железке идут, им озера не миновать. А пути короткого они не знают, значит, мы раньше их там будем. До места нам верст двадцать, к обеду придем. И подготовиться успеем, потому как немцам обходным порядком да таясь не менее полста шагать надо. Всё понятно, товарищи бойцы?

Все (серьезно): Понятно.

Васков: Младшему сержанту Осяниной проверить припас и готовность. Через 15 минут выступаем.

Все готовятся, Рита всех проверяет.

Васков: Готовы?

Рита: Готовы.

Васков: Заместителем на всё время операции назначаю младшего сержанта Осянину.

Сигналы напоминаю: два крика – «Внимание, вижу противника!», три крика – «Все ко мне». Головной дозор, шагом марш!

Васков: Устали?

Женя: Еще чего!

Васков: Вот и хорошо! Что в пути заметили? По порядку. Младший сержант Осянина?

Рита: Вроде ничего... Ветка на повороте сломана была.

Васков: Молодец, верно. Ну, замыкающие. Боец Комелькова?

Женя: Ничего не заметила, всё в порядке.

Лиза: С кустов роса сбита. Справа еще держится, а слева от дороги сбита.

Васков: Вот глаз! Молодец, красноармеец Бричкина! А еще было на дороге два следа – от немецкого резинового сапога, что ихние десантники носят. По носкам ежели судить, то держат они вокруг болота путь. А мы их напрямки обогнали. Отряд, слушай мою команду! Не разбежаться, устраиваем засаду тут. Сейчас можно покухарить, поедим – и спать по очереди. Замечу дым – вылью в огонь всё варево

в тот же момент. Нарубите сухостоя, что без лишая стоит, тогда дыма не будет, а будет лишь один огонь.

Девочки располагаются на камнях, Лиза готовит еду.

Васков (обращаясь к Лизе): Ничего не заметила?

Лиза: Пока тихо.

Васков: Ты всё примечай, Бричкина. Кусты не качаются ли, птицы не шебуршатся ли...

Лиза: Понимаю.

Васков: Вот-вот.

Васков отходит от Лизы и направляется к Гале Четвертак.

Васков: Ты чего скукожилась, товарищ боец?

Галя: Холодно.

Васков (протягивает руку ко лбу Гали, та отпрянула): Да не рвись ты, господи... Лоб давай. Ну? Жар у тебя, товарищ боец. Чуешь?

Галя молчит, смотрит испуганными глазами. Васков достаёт фляжку наливает в кружку.

Васков: Так примешь или разбавить?

Галя: А что это?

Васков: Микстура. Ну?

Галя: Ой, что Вы, что Вы...

Васков: Приказываю принять! Пей! И воды сразу. И отдыхать, товарищ боец.

Все ложатся спать. Васков в бинокль осматривает местность. Подползает Рита.

Рита: Может, зря сидим?

Васков: Может и зря. Однако не думаю. Если ты фрицев тех с пеньками не спутала, конечно.

Рита: Вы бы поспали пока, товарищ старшина. На зорьке разбужу.

Васков: Нету мне сна, товарищ Осянина. Маргарита... как по батюшке?

Рита: Зовите просто Ритой, Федот Евграфыч.

Васков: Ты ступай, Рита. Ступай. Поспи.

Рита: Я не хочу спать.

Васков: Ну, так приляг пока, ноги вытяни. Гудят с непривычки небось.

Рита: Ну, у меня как раз хорошая привычка, Федот Евграфыч. Я ведь на немцев-то наткнулась, когда к маме в город бегала... Сыночек у меня там, три годика. Аликком зовут, Альбертом. Мама больна очень, долго не проживет, а отец пропал вез вести... Просьба у меня к вам, Федот Евграфыч: если что, сына моего не бросьте, пожалуйста...

Васков: Не тревожься, Рита, понял я всё. Но сейчас спать!

Рита, тихо улыбаясь, забывается во сне. Тишина. Звуки просыпающего леса. Наступает утро. Слышно голоса птиц.

Васков (тихонько дотрагиваясь до плеча Риты): Тише! Слышишь?

Рита: Что?

Васков: Птицы кричат. Сороки... Сороки-белобоки шебуршат, Рита. Значит, идет кто-то, беспокоит их. Не иначе, гости. Осянина, подымай бойцов. Мигом! Но скрытно, чтоб ни-ни!

Соня: Здравствуйте, товарищ старшина.

Васков: Здорово. Как там Четвертак эта?

Соня: Спит. Будить не стали.

Васков: Правильно решили. Будь рядом. Только не высовывайся. Ну, идите же, идите, идите...

Васков всматривается в даль.

Девочки (по очереди считают): Три...
Пять... Восемь... Десять... Двенадцать...
Четырнадцать... Пятнадцать... Шестнадцать...
Шестнадцать, товарищ, старшина!

Звучит музыка. Включается презентация, девочки и Васков лежат возле камней. Когда автор читает о девочках, они потихоньку покидают сцену.

Автор: Огромный бурый пузырь гулко вспучился перед Лизой. Это было так неожиданно, так быстро и так близко от нее, что Лиза, не успев вскрикнуть, инстинктивно рванулась в сторону. Всего на шаг в сторону, а ноги сразу потеряли

опору, повисли где-то в зыбкой пустоте, и топь мягкими тисками сдавила бёдра. Над деревьями медленно всплыло солнце, лучи упали на болото, и Лиза в последний раз увидела его свет – теплый, нестерпимо яркий, как обещание завтрашнего дня. И до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...

Ждали немцы Соню или она случайно на них напоролась? Бежала без опаски, по дважды пройденному пути, торопясь притащить ему, старшине Васкову, махорку ту, трижды клятую. Бежала, радовалась и понять не успела, откуда свалилась на хрупкие плечи потная тяжесть, почему пронзительной яркой болью рванулось вдруг сердце... Нет, успела. И понять успела, и крикнуть, потому что не достал нож до сердца с первого удара: грудь помешала. Соня тускло смотрела в небо полузакрытыми глазами, и гимнастерка на груди была густо залита кровью... Немцы шли молча, пригнувшись и выставив автоматы. Прикрытые дозорами, они почти не глядели по сторонам, цепко всматриваясь вперед и каждый миг ожидая встречного выстрела. С шумом раздались кусты, и из них порскнула вдруг Галя. Выгнувшись, заломив руки за голову,

метнулась через поляну наперерез диверсантам. Коротко ударил автомат. С десятка шагов ударил в тонкую, напряженную в беге спину, и Галя с разлету сунулась лицом в землю. Последний крик ее затерялся в булькающем хрипе, а ноги еще бежали, еще бились, вонзаясь в мох носками...

ее вслепую, сквозь листву, и она могла бы затаиться, переждать и, может быть, уйти. Но Женя стреляла, пока были патроны. Стреляла лёжа, уже не пытаясь убежать, потому что вместе с кровью уходили и силы. И немцы добились ее в упор, а потом долго смотрели на ее и после смерти гордое и прекрасное лицо...

Женька верила в себя, и сейчас, уводя немцев от Осяниной, ни на мгновение не сомневалась, что всё окончится благополучно. И даже когда первая пуля ударила в бок, она просто удивилась. Ведь так глупо, так несуразно и неправдоподобно было умирать в 19 лет! А немцы ранили

Рита знала, что рана ее смертельна и что умирать она будет долго и трудно. Она не жалела себя, своей жизни и молодости, потому что всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама. Сын, сын ее оставался сиротой, оставался совсем один на руках у больной

робкой матери... Рита выстрелила в висок, и крови почти не было. Синие порошинки густо окаймили пулевой отверстие...

Звучит музыка.

На сцену выходит Васков с сыном Риты, подходит к камням и, преклонив колени, тихонько кладет на камень 5 звездочек. В это время выходят девочки в белой одежде, с белыми платками на головах и в белых

носочках, в руках свечки, тихонько выстраиваются рядом. Рита подходит к сыну и кладет руки ему на плечи.

Все стоят на сцене, выходят последние свидетели, со свечками на ладонях.

Выстраиваются по краям сцены и начинают рассказывать свои отрывки.

Мария Пузан, 7 лет: Утром пришли домой, дом стоит, а мамы нет. И людей никого нету. Одни мы с братиком остались. Я иду за водой, надо печь топить, братик кушать просит. На колодезном журавле висели наши соседи. Повернула в другой конец деревни, там криничный колодец был, самая лучшая вода у нас. И там люди висят. С пустым ведром вернулась. Братик плакал, потому что голодный: «Дай корочку». Один раз я его укусила, чтоб не плакал...

Аня Грубина, 12 лет: Девочка я ленинградская. В блокаду у нас умер папа. Спасла детей мама.

До войны она была огонек. В 41-м у нас родился Славик. Сколько это ему было, когда началась блокада? 6 месяцев, вот-вот 6 месяцев. Она и этого крошку спасла, и нас троих. А папу мы потеряли. В Ленинграде у всех умирали папы, папы умирали скорее, а мамы оставались. Им, наверно, нельзя было умирать. На кого бы остались мы? А папы нас оставляли на мам...

Вера Ждан, 14 лет: Мы с мамой смотрели, как их расстреливали. Брат упал не в яму, а перегнулся от пули и вперед ступил, сел возле ямы. Сапогами спихнули его в яму, в грязь.

И больше всего страшно было не то, что их постреляли, а то, что в липучую грязь положили. Поплакать нам не дали, погнали в деревню. А их даже песочком сверху не присыпали...

Валя Змитрович, 11 лет: Вспоминать не хочу, но память вновь и вновь возвращается в тот страшный день. Мне было 11 лет. В тот день мы с младшими остались сиротами... Уже через много лет я узнала, что маме выкололи глаза, вырвали волосы. На маленькую сестричку Галю, которая спряталась под елку, напустили овчарок. Те принесли ее по кусочку. Мама еще живая была, мама всё это видела...

Аня Павлова, 9 лет: Они тащили меня в сарай. Мама бежала за ними и рвала на себе волосы. Она кричала: «Делайте со мной что хотите, только не трогайте дитя!» Ой! Душа будет сегодня весь день и всю ночь не на месте... Собаки рвали детей, а немцы хохотали. Сядем над разорванным дитяткой и ждем, когда сердце у него остановится. Снегом прикроем – вот ему и могилка до весны...

Инна Старовойтова, 7 лет: Черный немец навел на нас пулемет, и мне страшно стало, я поняла, что он сейчас будет делать. Проснулась я от маминого плача. Да, мне казалось, что я спала. Когда меня подлечили, мы с мамой насчитали 9 пулевых ран. Я училась считать. В одном плечике две пули и в другом – две пули. Это будет четыре. В одной ножке две пули и в другой – две пули. Это будет уже восемь. И на шейке – ранка. Это будет девять...

Файна Люцко, 15 лет: Они не всех убивали, не всю деревню. Они взяли тех, кто справа стоял,

и разделили: детей – отдельно, родителей – отдельно. Стреляли и смотрели, как родители мучаются. Расстреляли двоих моих сестер и братьев. Когда убили детей, стали убивать родителей. Стояла женщина, держала на руках грудного ребеночка, он сосал водичку из бутылочки. Они выстрелили сначала в бутылочку, потом в ребенка, потом только мать убили...

Вася Саульченко, 8 лет: После войны меня долго мучил один и тот же сон. Сон о первом убитом немце. Которого я сам убил... Тогда я не успел испугаться, что убил, человека убил. И в войну его не вспоминал. Слишком много было убитых вокруг. Один только раз мне стало страшно... Мы зашли в деревню, ее недавно сожгли, часа 4–5 прошло. Я увидел обгоревшую женщину. Она лежала вся черная, а руки белые, живые женские руки. И вот тогда мне впервые стало страшно...

Звучит фрагмент поэмы Роберта Рождественского «Реквием», на сцену выходят дети с портретами «Бессмертного полка».

Помните!
Через века, через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придет никогда, –
помните!
Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны!
Вечно
достойны!

После этого отрывка «Бессмертный полк» покидает сцену, обойдя зал.

